

Динамические тенденции в исследовании текста

АНАТОЛИЙ Г. БАРАНОВ
(Краснодар)

В методологических исследованиях второй половины двадцатого столетия выделилась оппозиция двух парадигм знания: натуралистического субъект-объектного подхода и системомыследеятельностного (СМД) подхода как одной из версий новой парадигмы (Щедровицкий 1994: 4). Новая парадигма знания опирается на ряд гносеологических принципов (Попов 1992: 56). Выделим активность и осмысленность объекта исследования и ситуацию многих знаний.

Возникновение новой научной ситуации Г. П. Щедровицкий видит в формулировании первичной методологии, которая задает новое видение объекта исследования. Затем следуют научные исследования в этом методологическом пространстве, которые в свою очередь вызывают необходимость во вторичной методологии, создающей общий проект науки (Щедровицкий 1991: 8-9).

Ситуация в лингвистике последних двадцати пяти лет соответствует этой методологической схеме развития наук. Проблемы лингвистики на современном этапе вышли за пределы натуралистической субъект-объектной модели познания. Язык более не рассматривается как самодовлеющая сущность; он неотъемлемое свойство *Homo sapiens* ↔ *Homo loquens* (ср. Якобсон 1985: 404). Первичная методология современной лингвистики была создана в философии обыденного языка (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серл и др.), включившей в объект исследования человека (см. Parrot 1984). Создалась ситуация полной семиотики естественного языка, в которой язык, объект и субъективность (человек) не

рядоположены как в логических исследованиях структурной семиотики, а образуют слитное целое. Сформировалось новое видение объекта исследования. Назовем его условно „человеко-язык” (вспомним „Человек это его язык” М. Хайдеггера).

Конкретные исследования в этой парадигме проходили под знаком расширения контекста исследования в направлении включения все большего числа экстралингвистических параметров в исследование языка. В переломной точке этого процесса произошел переход от актуализационной модели структурной лингвистики к контекстуализационной модели языка в действии (теория речемыслительной деятельности, речевых актов, анализ дискурса, прагмалингвистика и др.). Обозначенный путь развития науки о языке внес определенную разобщенность в исследовательскую практику – деление единого по разным направлениям. Это называет некоторое ощущение потери основных ориентиров и замыкание исследовательской практики в узкие рамки конкретных задач – налицо разрыв единого смыслового поля научного общения. Создалась исследовательская ситуация многих знаний, требующая конфигурирования в рамках вторичной методологии. На эту роль может претендовать современная идея динамизма.

Основная задача – создание динамической модели языка, в которой центральное место должно занять творящее „ЭГО” автора и реципиента. Соответственно, основными проблемами становятся порождение и понимание текста – и как виды текстовой деятельности, и как ее предпосылки: лингвистические, когнитивные, мотивационно-психологические. Это предполагает введение в лингвистику не только новой проблематики, но и интеграцию в нее всего наработанного ранее, естественно, в углубленной и превращенной форме.

В динамической модели язык рассматривается как механизм, участвующий в преобразовании речемыслительной задачи в текст в рамках триады „сознание – язык – мир”. Языковая способность человека формируется через когнитивную, перцептивную, коммуникативную, социальную способности человека к целесообразному поведению (Кибрик 1992: 35).

Метапринципом динамической лингвистики выступает иконичность (Якобсон 1985: 322; Кибрик 1992: 35) как изоморфность языкового кода жизненному опыту индивида. Язык не система правил для порождения структур, а системаресурсов для выражения смыслов в текстовой деятельности, управляемая „мягкими” правилами и стратегиями (Paget 1984). Они

(ресурсы и правила) выступают типовыми блок-схемами текстовой деятельности. Мы распределяем приоритетность следующим образом: языковая способность человека носит скорее познавательный, нежели (структурно) лингвистический характер.

Руководствуясь этим видением динамической модели языка, рассмотрим далее вопросы конфигурирования позитивных знаний, полученных стилистикой и прагматикой и дадим нашу трактовку проблематики описания текстовой деятельности и текста.

В современном языкознании встает очень важный вопрос близости прагматики и стилистики. Стилистика, как существенный компонент традиционного языкознания, взяла на себя решение многих проблем, которые „вывалились” за границы структуралистской научной парадигмы (натуралистической по своей сути). Именно стилистика пыталась раскрывать вопросы субъективности языка, зависимость функционирования его системы от целенаправленного поведения человека. Но вопросы эти всегда решались исходя из доминанции лингвистических приоритетов (стилистика ресурсов, а затем функциональная стилистика).

Возникновение стилистики текста и прагмалингвистики, особенно ее функциональной версии (см. Баранов 1988: 8), было обусловлено факторами, выходящими за пределы лингвистических штудий. Осознание полномасштабной концепции функционализма (а яркие представители функциональной стилистики сделали вклад в этот процесс – см. Кожина 1986: 70) сделало необходимым исследование не только общих лежащих на поверхности особенностей, но и глубинных закономерностей вербального поведения человека. Стало ясно, что язык может быть описан лишь как разновидность когнитивной деятельности. В системе когнитивных наук были выдвинуты понятия декларативных и процедурных знаний как основы целенаправленного поведения человека, включая текстовую деятельность. Эти знания сформированы в когнитивные структуры: схемы, планы, скрипты, сценарии (Schank & Kass 1988: 181; Jansson 1988), образующие индивидуальные когнитивные системы (ИКС-ы) субъектов общения (Баранов 1988: 10). Именно ИКС выступает как глобальный контекст в вербальном поведении человека.

Функциональная прагматика стала разрабатывать сценарии и схемы текстовой деятельности (порождение и понимание) разной глубины и уровней, исходя из понятия текста как основной целостности полной семиотики. В свою очередь и функциональная стилистика все более учи-

тывает достижения когнитивных наук. Сложилась ситуация сближения. Но прагматика понимается шире – как дисциплина, раскрывающая динамическую сущность вербального общения через прагматические фокусы, расставляемые субъектами общения: „о чем говорить”, „что именно говорить”, „как говорить” (Шингарева 1987:31). Безусловно стилистическими будут исследования коннотаций – значимости системы ресурсов для выражения определенных смыслов в рамках метаязыковой интерпретации сообщений (Якобсон 1985: 236).

В динамической модели мы рассматриваем человека как систему обработки информации (получение, переработка, хранение и мобилизация) для решения жизненно релевантных задач. В этом смысле высшей семиотической сущностью выступает именно текстовая деятельность и текст как ее процесс и продукт.

В рамках полной семиотики мы рассматриваем текст не столько как лингвистическую сущность, сколько функционально-когнитивную: как элемент массива текстов данной культуры (или семантического континуума). В обоих модусах текстовой деятельности высшим семиотическим инструментом выступает прагматика, проявляющаяся в сценариях порождения и понимания текстов и существующая в виде стратегий, конвенций, планов и пр. в ИКС-ах субъектов общения. Каждый конкретный текст представляет собой инстанцию социально-культурных смыслов („распаковка” семантического континуума). Как инстанция текст – это следование образцам. В то же время право текста на уникальное существование в массиве текстов – в его отклонении от образцов. Текст одновременно образец и отклонение, тавтология и контраст.

Текст рассматривается нами как динамическая разновесная система функционально-прагматических полей, выполняющих две функции: когнитивную и модальную (прагматическую). Основу текста составляет когнитивный компонент, представляющий предметную область текста через семантические поля текста: денотатные и сигнификатные. Соответственно, предметная область может иметь экстенциональную и / или интенциональную природу.

Модальный компонент текста включает субъективные межличностные и личностные модальности и референтивную модальность. Он выступает как многогранный квалификатор когнитивного компонента текста. Все виды модальностей эксплицируются текстовыми полями – прагматическими и семантико-прагматическими. Именно в механизмах модализации

раскрывается субъективность текстовой деятельности и текстов в параметрах типологического ранга. Эта текстоцентрическая концепция модальности функциональна, поскольку охватывает мотивационно-интенциональную, эмотивную и другие сферы познавательной-коммуникативной деятельности человека (подробнее см. Баранов 1993).

Наличие гетерогенного массива текстов в культуре (также гетерогенной) всегда обуславливало интерес к инвариантности и вариантам. Большой вклад в исследование этой проблемы сделала функциональная стилистика, разработав классификации стилей по сферам общения, сохранив однако субстанциальность подхода. Развитие прагматики и динамической модели языка придает этой проблеме функциональный характер. Типология становится функциональной дисциплиной, изучающей когнитивные схемы, стратегии, конвенции, которые имеют динамический не-предписывающий характер и составляют коммуникативно-языковую компетенцию субъектов общения (Hauptmeier 1987; Schmidt 1987; Гайда 1990).

В нашей концепции функционально-прагматической типологизации текстовой деятельности и текстов мы опираемся на параметры модального (и когнитивного) компонентов текста. Предлагаемая многоступенчатая типологизация включает ряд сущностей, аранжированных по степени убывания абстрактности: текстотип, суб-тип, жанр, когнио-тип, текст.

Высшим уровнем разбиения выступает уровень субъективной межличностной модальности. Она обладает функцией выражения мотивационно-интенциональной сущности текста. Ее высшим содержательным параметром будет „интенциональность” как сициокультурная потребность человека через текстовую деятельность описать мир, изменить его, дать ему оценку. Соответственно выделяем следующие текстотипы:

1. Деонтические (нормативные или предписывающие) тексты, регулирующие совершение действий с точки зрения правил и норм социального поведения.

2. Аксиологические (оценивающие) тексты, характеризующиеся направленностью воздействия на эмоциональную сферу сознания субъекта общения с целью формирования или изменения определенной шкалы ценностей в его когнитивной системе.

3. Эпистемические (непредписывающие или дескриптивные) тексты – такие тексты, к которым применим критерий истинности, ибо они с разной степенью достоверности описывают положение дел в мире.

Описанное разбиение текстов носит гипотетический характер ввиду того, что в реальных текстах все три функции часто выступают в сложной взаимосвязи. Поэтому более важно выделение типологических параметров: „предписание”, „описание”, „оценка”. Реальные тексты будут характеризоваться доминанцией того или иного из приведенных параметров и доминанцией соответствующих текстовых модулей (фрагментов текста однородных в модальном и когнитивном отношении). Таким образом типологизация затрагивает не тексты как таковые, а функции, т. е. стратегии и конвенции определенного уровня, которыми руководствуются субъекты общения.

Характеристики субъективной личностной модальности позволяют утверждать, что они выступают лишь как квалификаторы субъективной межличностной модальности, усиливая, ослабляя, конкретизируя, переключая прагматические интенциональные параметры и способствуя созданию функциональной перспективы текстов – персональной или отчужденной (интерперсональной).

Поскольку текстотип как высшая абстракция соотносится с мозаикой предметных областей, определяемой сферами общения, вводим промежуточное понятие суб-типа. В качестве иллюстрации приведем эпистемические суб-типы, где в качестве главного критерия предстают характеристики референтивной модальности. Выполняя основную функцию „привязывания” возможного мира текста к действительному миру, референтивная модальность выступает квалификатором когнитивного компонента текста. Она эксплицируется в семантико-прагматических полях индексации – хронологическом, топологическом и поле персональности, которые находятся в тесном взаимодействии с денотатными и сигнификатными полями когнитивного компонента текста (и предметной областью текста) и вплетены в них.

Это взаимодействие опирается на корреляции референциального статуса текста, выражаемого в экстенциональном, интенциональном или смешанном характере предметной области текста, и векторы контекстуализации индексальных полей текста, которые определяются по отношению к расширенной семиотической рамке как „точке отсчета”. Функцией корреляций референциальных статусов текстов и векторов контекстуализации индексальных полей текстов служат статусы достоверности как высшие параметры разбиения эпистемических текстов. В результате вы-

деляются эпистемические суб-типы: тексты межличностного общения, информационные, научные и художественные.

В связи с тем, что понятие жанра многозначно, а в большинстве случаев просто заимствуется из филологических штудий, мы хотим определить его содержание в нашей системе рассуждений, опираясь на исследования когнитивной базы текстовой деятельности. С этих позиций мы выделяем жанровую схему как инвариантную составляющую текстовой деятельности, представляющую фрагмент массива и соотнесенную с группой предметных областей. Параметром жанровой схемы выступает суперструктура (текст-конструкт как конвенциональная схема), которая управляет интенциональными характеристиками и развертыванием ТЕМЫ. В лингвистическом плане жанром можно сопоставить языковые поля (прежде всего тематические). В качестве примера жанра и жанровой схемы можно привести описание текста-новости, предложенное Ван Дейком (1989: 256).

Когнитивный тип выступает функциональной единицей текстовой деятельности, соотнесенной с группой текстов одной предметной области. Он характеризуется семантическими и прагматическими макроструктурами (Ван Дейк 1989: 41). В лингвистическом плане он характеризуется ассоциативными полями. В качестве примера берем когнитивный тип „Землетрясение”, входящий в жанр текст-новость.

Здесь необходимо сделать отступление в ходе рассуждений, описав наше видение проблемы поля в лингвистике, поскольку она имеет непосредственное отношение к жанру, когнитивному типу и тексту.

Общая теория поля в лингвистике может быть построена как взаимодействие трех подходов к описанию вербального поля, трех модусов его существования, трех уровней идеализации: функционально-прагматических полей (в актуальном тексте); ассоциативных полей (в тезаурусе индивида); функционально-семантических полей, таксономических по своему характеру (в системе языка).

Первый модус – реализуется в актуальном тексте. Лингвистическая техника выявления текстовых полей предполагает анализ вертикального контекста и выявление групп вербальных единиц в их актуальных парадигматических и синтагматических связях.

Третий модус существования поля – артефакт лингвистической теории: языковые поля „строятся” в ходе научного рефлексивного процесса путем выборки на огромном текстовом материале. Это объективированные системные отношения языковых единиц в их парадигматико-синтагматиче-

ском виде, отражающие системность мира и его познания. Их психологическая реальность опосредована „инженерной службой языка” (термин Г. П. Щедровицкого), которая через школу, „масс-медиа” и пр. „навязывает” языковую норму. В отрефлексированном виде системные отношения языковых единиц становятся, в определенной мере, фактом индивидуального сознания. Мы относим этот модус к жанру.

Второй модус существования поля — ассоциативные поля. Они имеют психологическую реальность и их объективация проходит через обобщения материалов многочисленных ассоциативных экспериментов. Результат — ассоциативные словари, фиксирующие реальность языкового сознания общества.

В ассоциативных полях, получаемых в ходе экспериментов (слово-стимул — ассоциаты) выделяются отношения парадигматического и синтагматического порядка, что представляет определенную проблему при формальном подходе. Выход — в изучении „используемых носителями языка стратегий идентификации исходных слов и выявление глубинных оснований для формирования ассоциативных связей” (Залевская 1992: 49).

В нашем функционально-прагматическом подходе к выявлению ассоциативных полей носителей языка мы избрали в качестве стимула не слово, даже не текст как таковой, а текст-план (когниотип) — идеализацию от текстов одной предметной области. Это объясняется особенностью организации ИКС-ем субъектов общения, главными из которых отметим следующие: определенную расчлененность ИКС по предметным областям — в ряде работ метафорой основной структурной единицы поля выступает дискета (Morton & Bekirian 1986: 43); организация знаний в когнитивные схемы; текст как основная единица общения.

Эксперимент проходил в виде игры — воссоздание текста по заголовку и слотам для слов. Таким образом были задействованы разные виды знаний испытуемых (и тезаурус и блок мыслительных схем ИКС). Полученные данные распределяются в парадигматические ряды, которые между собой образуют синтагматические последовательности. А это „заготовки” к реальному тексту, коннективистские предпосылки линейного развертывания текста (Tjong Kim Sang 1991: 255; Караулов 1993: 311).

Дадим краткую характеристику игры (она проводилась на русском и английском языках):

Дано: текст в виде заголовка *Earthquake in Moriana* и 27 слотов (пробелов) для слов.

Цель: восстановить текст.

Ход игры: играющие предлагают слова, которые могли бы оказаться в тексте. Если слово угадывается, ведущий записывает его в соответствующий пробел. Игра продолжается, пока все слова не будут угаданы.

Результат игры (интерпретация): все предлагавшиеся слова сводятся в таблицу по двум параметрам: а) по принадлежности к той или иной макроструктуре когнитивного типа; б) по принадлежности к языковым группам. В связи с тем, что в ходе эксперимента предлагалось более 300 слов и сочетаний, можно сделать вывод, что участники игры раскрывают свое ассоциативное поле, охватывающее когнитивный тип „Землетрясение”. Они руководствовались (в основном подсознательно) знаниями предметной области (массив информации о землетрясениях), супер- и макроструктурами, а также языковыми знаниями. Наибольший успех был у тех, кто использовал все три вида знаний. Эксперимент также показал реальность когнитивного типа как научной абстракции рангом ниже жанра и жанровой схемы; он характеризуется когнитивными макроструктурами (семантическими и модальными) и лингвистическими – ассоциативными полями.

Исходя из вышеизложенного можно рассматривать актуальный текст как инстанцию группы текстов (актуальных и в потенции) определенного когнитивного типа, охватывающего некоторую предметную область. По принципу русской матрешки в характеристику текста как процесса и продукта текстовой деятельности входят параметры жанра, суб-типа и текстотипа, которыми руководствуются субъекты текстовой деятельности.

Описанная функционально-прагматическая типологизация и особенно идея когнитивного типа и текста как инстанции была воплощена в учебно-методических комплексах интенсивного изучения английского языка для взрослых и детей – всего десять книг (см. Баранов, Щербина 1992).

Приложение теоретических положений осуществляется в данной статье в интерпретации текста Э. Хемингуэя (*A Farewell to Arms. Book 1. Ch. 1*). Исследователь-интерпретатор учитывает при этом ход и результаты интерпретации данного текста другими реципиентами (студентами и преподавателями).

Анализ текста в функционально-прагматической парадигме опирается на взаимодействие ИКС-ем субъектов общения и содержательно-формальные свойства текста. Анализ текста поэтому осуществляется по двум процедурам: top-down & bottom-up. Их результаты ведут к созданию вторичного текста, т. е. интерпретации.

Первая процедура позволяет сформулировать исходные конвенциональные ожидания реципиента. На уровне текстотипа и суб-типа данный текст относится к эпистемическому художественному суб-типу. Он характеризуется интенциональным референциальным статусом. Векторы контекстуализации следующие: хронологический – „ноль”, топологический – „субъективная направленность”, персональный – „аутонаправленность”. Статус достоверности текста – „как-если-бы” достоверность. В жанровом плане текст характеризуется нарративностью. Наиболее важным в этой процедуре выступает уровень когнитивного типа – описание войны. Ведь именно здесь формируются ожидания реципиента на основе знаний о существующих в культуре (во времена Хемингуэя и сейчас) способах описания войны.

Вторая процедура следует алгоритму функционально-прагматического анализа текста. Этот алгоритм включает следующие действия:

Шаг 1. Выделение модулей текста.

Шаг 2. Распределение лексикона по макроструктурам (текстовым полям).

Шаг 3. Анализ когнитивного компонента текста.

Шаг 4. Анализ модального компонента текста.

По признаку основной действующей силы (агенса) текст разбивается на четыре модуля, взаимосвязанных и взаимообусловленных единой целью повествования.

Первый модуль – *we* („мы”), живущие в селе в доме у дороги, свидетели картины описываемых событий. *I* („Я”) присутствует имплицитно как автор-рассказчик, повествующий о событиях.

Второй модуль – *the troops* („войска”), марширующие мимо дома в горы, ведущие бои в горах.

Третий модуль – *they, officers, generals + He (King)*; „они, офицеры и генералы + Он, Король”, пронсящие мимо дома по направлению к линии фронта и разбрызгивающие грязь.

Четвертый модуль – *Cholera* („холера”) – олицетворение смерти как наимелчайшего и неожиданного зла, принесенного дождем и зимой в войска.

Цепочка *I – we – He (they) – Cholera* объединяют части в единый макромодуль текста.

На основе распределения лексикона текста по макрогруппам – полям (второй шаг) делаем следующую характеристику когнитивного компонен-

та (шаг 3). Он представлен двумя видами семантических полей: денотатным и сигнификатным. Денотатное поле текста образовано именными выражениями конкретной семантики. Его специфика в том, что выражения, обозначающие типологические отношения и персональность, выступают одновременно с его экспонентами. Семантические сигнификатные поля образованы глаголами, принадлежащими по Вендлеру (1982: 235) к группе, не выводящей повествование за пределы реального мира, и прилагательными, которые прямо или косвенно обозначают цвета объектов, обозначенных словами конкретной семантики.

На основании вычлененных макрогрупп лексикона формулируется семантическая макроструктура (пропозиция) каждого модуля текста:

1. (*In summer*) (*in the village*) *troops marching*;
2. (*In autumn*) (*on the road*) *troops marching, fighting*;
3. (*Every day*) (*in the car*) *King riding, splashing mud*;
4. (*In winter*) (*in the army*) *Cholera came (the army dying)*.

Таким образом в когнитивном компоненте устанавливаются два прагматических фокуса, определяющих смыслы текста: парадигматический фокус „о чем писать” – о войне; и синтагматический фокус „о чем именно писать”, формулируемый в четырех пропозициях текста.

В анализе модального компонента раскрывается третий прагматический фокус (стилистический) – „как писать”. Мы ограничимся упоминанием лишь релевантных для этой цели характеристиках текстовых модальностей. В плане межличностной модальности текст характеризуется интенциональностью „нарративности”, которая выражается „батареей” ассертивных высказываний. Особенно много сложных конструкций, отягченных неличными оборотами, что создает эффект описывающего повествования или повествующего описания.

Существенной особенностью данного текста выступает конфликтность между статусом „как-если-бы” достоверности художественного текстотипа и референтивной модальностью текста, которая разными приемами усиливает впечатление достоверности текста. Выше уже отмечалась такая особенность семантических полей текста, тесно связанных с референтивной модальностью, как денотатный статус именных выражений, фактитивность глаголов...

Хронологическое поле текста представлено фактитивными видо-временными формами (*Past Simple*, *Past Progressive*). Лексические указатели времени интерсубъективны и имеют определенный артикль (*the summer*,

the winter), как если бы реципиент был в курсе точной хронологии событий. Типологический вектор хронологического поля в таких текстах - „ноль”, и здесь он вступает в конфликтность с фактитивностью временных выражений.

Постоянный повтор как видо-временных форм, так и лексических указателей времени создает коннотацию однообразности, монотонности, неизменности и даже... неотвратимости. Создается впечатление застывшей картины в ее движении. Меняются детали, а что-то глубинное остается неизменным.

Топос текста – территория в северной Италии, описываемая от лица автора-рассказчика, находящегося в доме у дороги (точка отсчета). Топологический вектор такого текстотипа „как-если-бы-здесь”. И он ведущий для данного текста. Но рассматриваемое топологическое поле представлено указателями в основном интерсубъективной направленности с определенными артиклями (*the river, the plain, etc.*), как если бы это пространство было изначально известно реципиенту. Лишь локальные детали топоса вводятся неопределенным артиклем (*a house, in a village, a valley, a forest*). Читатель вводится внутрь топоса.

Поле персональности (встроенное в когнитивный компонент) эксплицитно представлено следующими персонажами: *we, troops (soldiers), they (officers, generals), HE (the King), We* („мы”) – наблюдающие события, включает имплицитно *I* („я”) автора-рассказчика и *you* („вы”) – реципиента. Снова имплицитно возникает эффект включенности автора и реципиента в описываемые события. *Troops, (men, soldiers)* – войска, представлены как безликая масса военных людей, движущаяся к горам к фронту. Однообразное и мерное движение войск к горам (люди, мулы, тракторы) противопоставляются активной силе войны: *they* („они”) – офицеры и генералы, разъезжающие по дороге. И один из них – *HE (the King)*, разбрызгивающий грязь, обрекающий людей на гибель. Как кульминация этого бездушья – появление столь же активной и бездушной силы, холеры (*the Cholera*). И развязка: только семь тысяч умерло от нее.

Модальность субъективной установки в тексте представлена в основном имплицитно:

а) Эпистемическая установка. Анализируемый текст, интенциональный по принадлежности к художественному суб-типу, естественно рисует картину „как-если-бы” достоверности. На прагматическое поле эпистемической интенциональности „нарративность” накладывается эпистемическая

субъективная установка, выполняющая роль усиления достоверности. Это достигается имплицитно через средства, отмеченные выше: поле денотативных именных выражений; фактивные глаголы; временные и топологические указатели интрасубъективного свойства; эффект „включенности” реципиента в создаваемый „возможный мир” текста через поле персональности и использование определенного артикля в обрисовке хронотопа текста. Все эти средства направлены на создание иллюзии совпадения „возможного мира” текста с актуальным миром реципиента. Весь текст таким образом имитирует репортаж с места события.

б) Композитивная установка. Ведущим средством выступает полисиндетическая структура всех высказываний текста, связанных союзом *and*. Он служит на поверхностном уровне „коннектором”, а его глубинная роль – в создании определенного настроения реципиента. Повтор союза *and* (46 раз) и повтор артикля *the* (98 раз) создает ритм текста – монотонное течение повествования, напоминающее звук дождя, что в образной системе Э. Хемингуэя предвещает смерть.

в) Модальность эмотивной установки автора выражена лексическими, грамматическими и стилистическими средствами через повтор (лексический, синтаксический), градацию и пр. Ведущей формой выражения эмотивности выступает имплицитность через аффектогенность всех объектов и персонажей. Причем, фокус эмотивности все время направлен в область негативных оценок. Кульминация эмотивности – развернутое метафорическое сравнение солдат, несущих на поясе под плащом патроны, с беременными женщинами (*as though they were six months gone with child*). Но они несут не жизнь, а смерть и находят смерть сами, а бессмысленность всего олицетворяет безликое орудие смерти – холера. Автор выстраивает своеобразный „коннотативный язык” текста.

Интерпретация полученных результатов в рамках параметров текстуральности (Beaugrande 1985: 48), к которым мы добавляем параметр аксиологичности, подтверждает особенность прагма-стилистического фокуса художественного текста как переход от знания к эмотивной оценке, факт, отмечавшийся еще М. Бахтиным (1979: 247; см. также Dijk 1976: 40). Мета-смысл анализируемого текста – эмфатический протест против ВОЙНЫ как противоестественного явления и ее бездушных организаторов. Мы можем рассматривать этот текст, а это первая глава романа, как увертюру к последующим событиям всего произведения.

Представленный функционально-прагматический анализ позволяет подчеркнуть разный статус семантической и прагматической макроструктур текста. Если первая формируется путем редукции поверхностных структур, то вторая макроструктура не может быть выведена этим путем. Она есть факт взаимодействия интенциональностей высказываний и более крупных образований – модулей текста с когнитивной системой субъекта общения в процессе рефлексивного понимания. Теоретически вполне правомерно достигать нескольких уровней понимания, а в случае художественного текста, ввиду его полифоничности, – необходимо. Соответственно можно говорить о прагматических макроструктурах 1, 2...n порядков. Анализ данного текста показывает также существование двух уровней субъективной установки реципиента, его эмоциональных переживаний (ср. Zwaan 1992: 164):

1. Первичные переживания, вызываемые семантическими и прагматическими макроструктурами текста.

2. Вторичные переживания – оценка мастерства автора, оценка художественных достоинств текста как произведения искусства в транстекстуальном поле смыслов. Она возможна лишь в опоре на стереотипные когнитивные схемы, сценарии, конвенции и пр., бытующие в культуре и которыми руководствуются субъекты общения. Только на их фоне и в „со(противо-) поставлении изображенного и неизображенного первое обретает подлинный смысл” (Лотман 1994: 40).

Завершая статью, подчеркнем еще раз важность развития динамической модели языка в рамках вторичной методологии исследования языка в действии. Именно в этой модели возможны процессы конфигурирования знаний, полученных в разных направлениях лингвистики (е. г. прагматика vs стилистика). Корректное изучение языка возможно лишь при принятии постулата о преимущественно познавательном характере текстовой деятельности и ведущей роли знаний в функционировании языка.

Литература

- Баранов А.Г., 1988, *Текст в функционально-прагматической парадигме*, Краснодар.
- Баранов А.Г., 1993, *Функционально-прагматическая концепция текста*, Ростов-на-Дону.

- Баранов А.Г., Щербина Т. С., 1992, *КО-КО методология. Методическое пособие для учителей иностранного языка*, Краснодар.
- Бахтин М.М., 1979, *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Вендлер З., 1982, *Сингулярные термы. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика в лингвистике*, Москва.
- Гайда Ст., 1990, *Стилистика и генология. – Статус стилистики в современном языкознании (Тез. докл. Координационного совещания)*, Пермь.
- Дейк Т.А. ван, 1989, *Язык. Познание. Коммуникация*, Москва.
- Залевская А.А., 1992, *Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе ассоциативных экспериментов. Слово и текст в психолингвистическом аспекте*, Тверь.
- Караулов Ю.Н., 1993, *Ассоциативная грамматика русского языка*, Москва.
- Кибрик А.Е., 1992, *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*, Москва.
- Кожина М.Н., 1986, *Проблема целостности научного текста и интерпретации последнего, – Исследование текста*, Москва.
- Лотман Ю.М., 1994, *Лекции по структурной поэтике, – Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*, Москва.
- Попов С.В., 1992, *По следам „глубоко протезированного менталитета”, „Вопросы методологии”, № 1-2.*
- Шингарева Е.А., 1987, *Семиотические основы лингвистической информатики*, Ленинград.
- Щедровицкий Г. П., 1991, *Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов, „Вопросы методологии”, № 1-2.*
- Якобсон Р., 1985, *Избранные работы*, Москва.
- Beaugrande R. de, 1985, *Text Linguistics in Discourse Studies. – Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1.*, London, etc.
- Dijk T. A. van, 1976, *Pragmatics and Poetics. – Pragmatics of Language and Literature*, Amsterdam.
- Hauptmeier H., 1987, *Sketches of Theories of Genre, „Poetics”.*
- Jansson C.G., 1988, *A Top-down, Abductive and Schemata based Approach to Text Comprehension: An AI Perspective from Yale. – The First Nordic Conference on Text Comprehension in Man and Machine*, Stockholm.
- Morton J. & Bekerian D., 1986, *Three Ways of Looking at Memory. – Advances in Cognitive Science*, New-York.
- Parret H., 1984, *Regularities, Rules and Strategies, „Journal of Pragmatics”, N 8.*

- Schank R. & Kass A., 1988, *Knowledge Representation in People and Machines. – Meaning and Mental Representations*, Bloomington.
- Schmidt S. J., 1987, *Towards a Constructive Theory of Media Genre, „Poetics”*.
- Tjong Kim sang, 1991, *A connectivist View on Knowledge Representation. – Language and Cognition*, Groningen.
- Zwaan R. A., 1992, *Aspects of Literary Comprehension. A cognitive Approach*, Utrecht.

Dynamic Tendencies in Textual Studies

The paper deals with conception of dynamic linguistics based on the assumption that cognitive schemata play the leading role in textual activity (production and understanding of texts). This model of language description aspires to converge various branches of linguistics, namely, pragmatics and stylistics. It is argued that the typology of textual activity and texts should be functional-pragmatic, its parametres being those of the cognitive and modal components of text. The typology offered includes the following idealisations: actual text \hat{A} cogniotype \rightarrow genre \rightarrow sub-type \rightarrow text-type. The substantiation of cogniotype is ascertained by a three-level presentation of linguistic fields. The theoretical notions are exemplified through the interpretation of a text by E. Hemingway.